

— У-у-у! Ты похабник! — Чжань Цзюцзян изо всех сил бил Лян Цзивэня руками и ногами. — У-у-у, что мне делать, я забеременею! У-у-у, меня посадят в тюрьму?

Лян Цзивэнь промолчал.

Лян Цзивэнь одной рукой схватил руки Чжань Цзюцзяна, вытер слезы с его испачканного лица рукавом.

— Мы оба мальчики, мы не можем забеременеть, — с максимальным терпением, на какое был способен, успокоил он. — Если мы никому не расскажем, то, кроме нас двоих, никто не узнает. Тебя не посадят.

— Не забеременею? — сквозь слезы спросил Чжань Цзюцзян.

Лян Цзивэнь покачал головой.

— Не посадят? — снова спросил он.

Лян Цзивэнь снова покачал головой.

Возможно, на лице Лян Цзивэня не было и тени шутки, поэтому Чжань Цзюцзян быстро поверил.

Он грубо вытер лицо рукой, но слезы попали в мелкие царапины, и он снова заплакал от боли. Затем он бросился на Лян Цзивэня и сильно укусил его за щеку.

Чжань Цзюцзян лежал на Лян Цзивэне, держа в зубах его щеку, с выражением торжества на лице. Однако вскоре он почувствовал, как его ягодицы и бедра начали замерзать.

Лян Цзивэнь, видя, что на глазах мальчика снова наворачиваются слезы, легко поднял его на руки. Чжань Цзюцзян с удивлением посмотрел на него, его рот даже приоткрылся, и Лян Цзивэнь воспользовался моментом, чтобы освободить свою щеку.

Он собрал немного листьев, стряхнул с них снег, положил на землю и посадил на них Чжань Цзюцзяна. Тот больше не сопротивлялся, покорно позволяя Лян Цзивэню делать с ним что угодно. Лян Цзивэнь снял с него штаны на левой ноге и закатал край теплых брюк. Колено Чжань Цзюцзяна было сильно повреждено, кровь пропитала теплые брюки, и на ватных штанах тоже остались пятна.

Лян Цзивэнь набрал немного чистого снега и приложил его к колену Чжань Цзюцзяна. Тот скривился от боли.

Лян Цзивэнь снова надел на него штаны и, не говоря ни слова, понес его вниз по горе.

Чжань Цзюцзян лежал на неширокой спине Лян Цзивэня, его лицо покраснело, и он немного пожалел, что был так груб с ним. Лян Цзивэнь, кроме того, что был немного холодным (нет), немного высокомерным (нет) и немного злым (нет), в остальном был неплохим...

Чжань Цзюцзян дернул Лян Цзивэня за волосы и, прижавшись к его уху, тихо сказал:

— Прости, спасибо, что спас меня.

Лян Цзивэнь почувствовал, как теплое дыхание Чжань Цзюцзяна касается его лица, и услышал его мягкий, но упрямый и немного смущенный голос. Его настроение неожиданно улучшилось.

Это был странный опыт. Ни в прошлой, ни в этой жизни никто не хотел быть с ним близким. Его лицо отпугивало многих. Впервые он встретил «сверстника», который вел себя так дерзко, и это было довольно интересно.

Чжань Цзюцзян, закончив говорить, с нетерпением ждал реакции Лян Цзивэня, но тот лишь слегка кивнул. Чжань Цзюцзян широко раскрыл глаза, с одной стороны, успокаивая себя, что этот человек спас его, и нужно быть благодарным, а с другой стороны, непроизвольно стиснул зубы.

Этот парень! Совсем не скромный!

Пока Лян Цзивэнь нес Чжань Цзюцзяна домой, они больше не разговаривали. Чжань Цзюцзян, бродивший по горе так долго, испуганный, уставший и голодный, заснул на спине Лян Цзивэня.

Когда Лян Цзивэнь спускался с горы, уже приближалось время ужина, и на дороге было мало людей, но несколько человек все же заметили их. Увидев их, они, естественно, не могли не обменяться парой слов.

Лян Цзивэнь коротко ответил и напомнил, чтобы они следили за своими детьми и не пускали их к горе Силян.

Лян Цзивэнь принес Чжань Цзюцзяна домой, и дедушка Чжань, увидев его, облился холодным потом. Он долго благодарил Лян Цзивэня, пока тот не начал чувствовать себя неловко. Затем он пригласил его остаться на ужин, но Лян Цзивэнь вежливо отказался, хотя предложил помочь дедушке Чжаню помыть и перевязать Чжань Цзюцзяна.

Чжань Цзюцзян действительно выбился из сил, и даже когда Лян Цзивэнь переворачивал его, он не проснулся.

— Х-х-х... — Ровное дыхание раздавалось в ушах Лян Цзивэня, и он не мог не улыбнуться. Чем больше он его тревожил, тем крепче он спал.

Дедушка Чжань потрогал лоб Чжань Цзюцзяна, увидев, что он спит с розовыми щеками, и успокоился.

Лян Цзивэнь встал, чтобы уйти, но дедушка Чжань остановил его:

— Уже поздно, я уже послал кого-то предупредить твою семью. Остайся сегодня у нас на ужин.

Дедушка Чжань настаивал, и Лян Цзивэнь не смог отказаться.

Еда, приготовленная дедушкой Чжанем, была очень вкусной. Приправы были в меру, но не перебивали вкус. На столе было три блюда и суп, одно из блюд было мясным. Рис, хотя и был смешанным, в основном состоял из белого риса. Лян Цзивэнь чувствовал себя немного неловко, так как такой ужин в их деревне был редкостью. Он съел одну порцию риса и сказал, что наелся, что было нормальным для обычного ребенка.

Дедушка Чжань, увидев, что он почти не ел мяса, положил ему большой кусок:

— Цзюцзян не любит мясо, а у меня зубы уже не те. Ешь побольше, а то мы все равно не съедим так много.

Лян Цзивэнь снова взял палочки и съел мясо, а затем сказал:

— Дома мне все равно делать нечего. Сегодня Цзюцзян испачкал много одежды, я могу постирать ее.

Дедушка Чжань кивнул.

Лян Цзивэнь облегченно вздохнул. Он действительно не слишком хорошо умел общаться с людьми. Но он старался учиться. Сейчас, в отличие от прошлой жизни, где нужно было просто выполнять задания, межличностные отношения были очень важны. Особенно в эти предгрозовые времена, когда каждое слово и действие имели значение. Он чувствовал, что атмосфера становилась все более напряженной, и его интуиция подсказывала, что скоро все изменится. Он не знал, как пойдет история дальше. В прошлой жизни они не переживали вторжений, и Китай был сильной державой, которой никто не смел бросить вызов. Но сейчас все было иначе.

Хотя он сказал, что стирает только сегодняшнюю одежду Чжань Цзюцзяна, Лян Цзивэнь взял большой тазик и собрал всю грязную одежду, которая валялась в углах.

Вот это да! Лян Цзивэнь подумал, что дедушка с внуком, вероятно, не стирали одежду с тех пор, как переехали сюда. Одного тазика не хватило, и ему пришлось трижды сходить, чтобы вынести всю одежду.

На самом деле, Лян Цзивэнь несправедливо обвинил Чжань Цзюцзяна и дедушку Чжаня. Они, хоть и не умели стирать, но делали это раз в неделю. Просто они оба любили чистоту, зимой одежды было много, и каждый раз, когда они переодевались, набиралось по пять-шесть вещей. К тому же они мылись через день, так что за неделю одежды накапливалось много.

Дедушка Чжань, вернувшись с кипятком, увидел, как Лян Цзивэнь борется с горой одежды. Его лицо покраснело, и он смущенно сказал:

— Не нужно стирать так много. Я утром отнесу к реке, быстро все постираю.

— Ничего страшного, — спокойно ответил Лян Цзивэнь, который, стирая уже некоторое время, даже не вспотел и выглядел бодрым. — Я привык стирать дома, такая куча одежды мне не составит труда.

Дедушка Чжань добавил ему теплой воды, чтобы он не замерз.

Лян Цзивэнь, будучи физически крепким и защищенным внутренней силой, не боялся холода, но не стал возражать против доброты дедушки Чжаня.

Дедушка Чжань вскипятил только один котел воды, а для стирки такого количества одежды этого явно не хватило. Он снова взял ведро и пошел кипятить воду.

Лян Цзивэнь не видел в этом ничего особенного, но, уходя, все же напомним, что, если они с Чжань Цзюцзяном будут так жить, им нужно быть осторожными, чтобы не вызывать зависть у других.

Через полчаса после того, как Лян Цзивэнь ушел, Чжань Цзюцзян проснулся.

Он сонно потер глаза, посидел на кровати, немного ошарашенный, а затем, почувствовав холод, снова лег, укрывшись одеялом.

— Цзюцзян, не спи, если переспишь, вечером не уснешь, — раздался голос дедушки Чжана, когда Чжань Цзюцзян уже почти засыпал. Затем он почувствовал, как одеяло сняли, и на его лицо положили теплое полотенце.

<http://bllate.org/book/16557/1510595>